

№ 16 (316) 21 апреля 1929 г. Изд. „ОГОНЕК“

Цена 10 коп.

ОГОНЕК

КАК ЗАРОСЛА „НАРОДНАЯ ТРОПА“ К ПАМЯТНИКУ ЧЕХОВУ

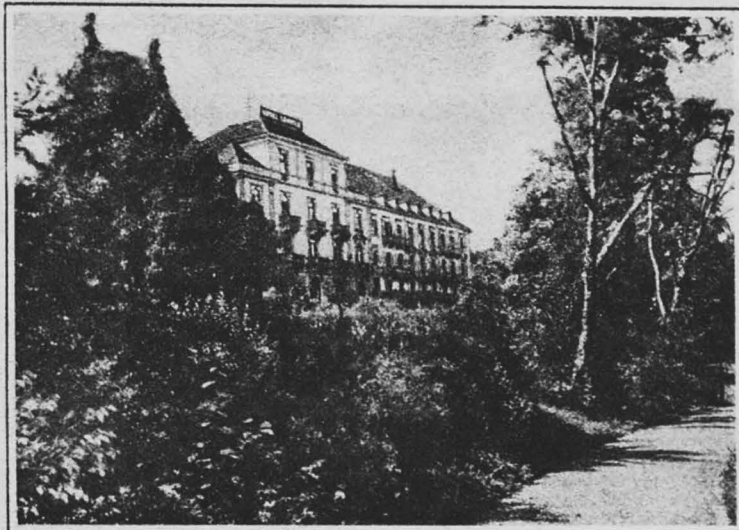
Письмо из Германии

В этом году исполняется двадцать пять лет со дня смерти А. П. Чехова.

Умер он вдали от родины, в немецком курорте Баденвайлер.

Писатель жил и умер в гостинице „Зоммер“, переименованной потом в „Парк-отель“.

В прошлом году я попал в эту самую гостиницу, где мне предоставили единственную свободную комнату № 49.

Гостиница „Парк-отель“, б. „Зоммер“, в которой умер Чехов

О пребывании и смерти в этой гостинице А. П. Чехова я не знал.

Но в одно прекрасное утро хозяин гостиницы очень вежливо постучал в мою комнату с просьбой разрешить какой-то старушке осмотреть мою комнату.

Я с недоумением спросил хозяина, не думает ли он сдать мою комнату, которую я не думаю оставлять...

Хозяин торопливо меня заверил, что и не предполагает выселять или переселить меня, а просто хочет оказать любезность пожилой моей „землячке“, желающей во что бы то ни стало осмотреть комнату, в которой умер „величайший писатель земли русской“, по уверению взволнованной „землячки“.

— Да здесь-то Антон Павлович скончался! — стала наступать на меня по-русски не то бывшая графиня, не то бывшая помещица, узнав, что и я „русский“...

Я опешил. Выходит, что живу я в комнате, где утонула жизнь Антона Павловича Чехова, что сплю я, быть может, в той самой кровати, которая впитала в себя последние вздохи его.

Инстинктивно я отступил назад, и „землячка“, воспользовавшись этим, торжественно переступила порог, три раза перекрестилась и готова была, как мне казалось, стать перед кем-то на колени.

Я остался со старушкой с глазу на глаз. Каждый из нас, видимо, ждал, чтобы другой каким-нибудь важным словом рассеял эту жуткую тишь.

Однако, слишком долго мне ждать не пришлось. Старуха, осмотрев полускрытыми глазами все уголки комнаты, спросила:

— А не страшно ли вам здесь?

— Чего мне бояться? — буркнул я слишком быстро, будто проглотил какой-то неведомый страх, которого, действительно, стыдился...

— Мне-то не мудрено бояться! — почти лично с Чеховым была знакома, — снова перекрестилась моя гостья, „почти лично“ знавшая Чехова.

Гонг к обеду выручил меня от ее дальнейшей злобы на меня, что расположился барином в священной комнате Чехова. Спускаясь со мной по мягко-устланной

лестнице, она мне все-таки выразила печаль свою, что по слабости не в состоянии больше подняться на горку в Курпарке, где когда-то стоял памятник Чехову.

— Почему „стоял“? — переспросил я. — Куда же он делся?

— Большевики, говорят, приказали снять его... — покосилась на меня бывшая особа.

Набравшись отрывочными и полусказочными сведениями о комнате Чехова,

о памятнике ему, снятом будто по приказу большевиков, я, выпроводив старуху из гостиницы, сейчас же обратился к хозяину, чтобы предоставить мне другую комнату.

— Да разве и вам страшно? — удивился хозяин гостиницы.

— Не страшно, да неприятно все-таки. Изнервничался...

— Ведь я комнату-то вновь отремонтировал. И обстановка вся новая... — стал меня уговаривать хозяин.

— А куда же делся памятник? — перебил я его в нетерпении.

— Этого, право, сам не знаю, — смутился хозяин и даже покраснел... — Но место, где стоял он, хорошо знаю, и если вас это интересует, смогу вам показать...

— Конечно, интересует... Но другую комнату вы мне все-таки предоставьте.

После обеда я вернулся в комнату укладывать вещи для перехода в другую и попутно стал искать следы Чехова.

...Это было старинное туалетное зеркало на деревянной подставке с двумя подсвечниками по сторонам.

В горлышках этих подсвечников остались следы давным давно потухших огарков,

светом, были свидетелями смерти Чехова и вместе с ним погасли, чтобы на долгие годы залечь в деревянных горлышках туалетного зеркала, обтянутого каким-то туманом.

Вечером, в сопровождении хозяина, отправился к тому месту, где когда-то стоял памятник Чехову.

Наконец, добравшись до какого-то камня вблизи одинокой березы, и на этом вот „пьедестале“ стоял памятник Чехова.

— А поставлен был памятник именно здесь, — разъяснил мне хозяин, — потому что Чехов, говорят, часто сидел на скамеечке, что когда-то стояла под этим деревом, и любовался прекрасным видом на Рейнскую долину, замыкающуюся черным силуэтом французских Вогезов.

Мне вспомнилось почему-то „Вишневый сад“, разоренный Лопатиным, и мне почему-то стало радостно, что памятнику Чехову не приходилось лицемерить в продолжение целых четырех лет отсюда, как струи человеческой крови, словно рукава, стекали к многоводному Рейну. Но куда же памятник девался? Ведь не сбежал же он сам от этого кровавого спектакля „в Москву, в Москву“, чтобы спрятаться за кулисы Художественного театра...

Хозяин мой угрюмо молчал. Слово могильщик за плечом пришедшего на могилу родного человека.

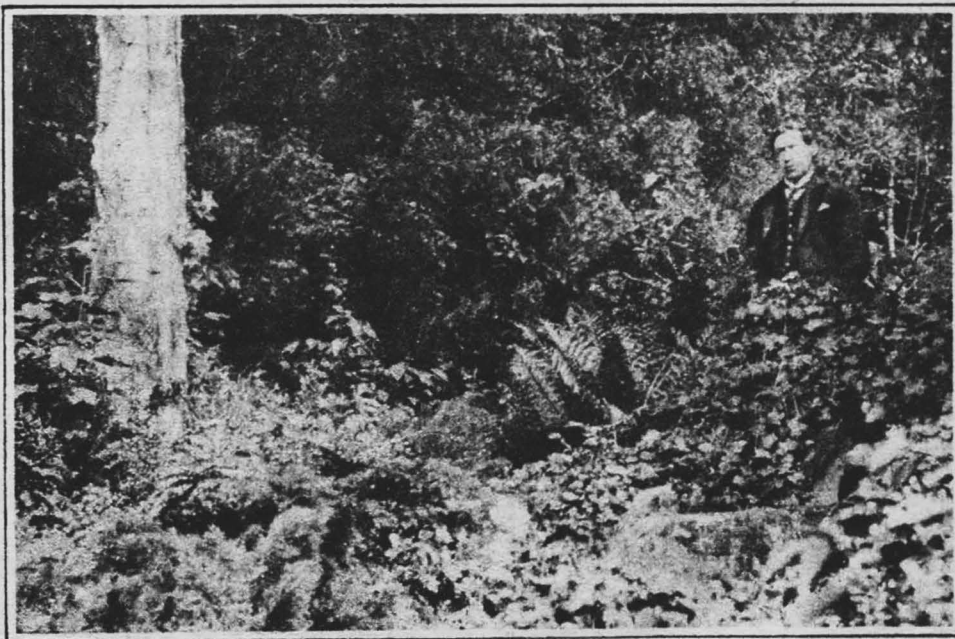
И на все мои вопросы настойчиво отвечал, что ничего не знает и не ведает...

Лишь через несколько дней удалось мне через старого бесхитростного часовых дел мастера узнать, что памятник Чехову еще в 1914 году был снят со своего пьедестала и вместе с другим чугунным „хламом“ передан в Эссен на завод Круппа...

Не дико ли, не трагично ли, что „чугунным Чеховым“ немецкая военщина стреляла в русских рабочих и крестьян?..

И вот уже скоро 15 лет, как в Курпарке Баденвейлера не стало памятника Чехову, и таким образом заросла „народная тропа“ к нему.

Остался только один густо заросший „пьедестал“, с которого можно увидеть то, что А. П. Чехов мог отсюда видеть четверть века тому назад.

Место, где стоял памятник Чехову

фитильки которых глубоко ввелись в пожелтевший от старости стеарин.

И мне почему-то показалось, что именно эти-то фитильки, горевшие когда-то ровным

А в гостинице меня ждала уже другая комната, без старинного подсвечника с затуманенным зеркалом и без вздыхающей кровати.

Д. Черный